ИССЛЕДОВАНИЕ №1 ИЗ КНИГИ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВА «АНАЛИЗ ВСЕХ СТИХОТВОРЕНИЙ Ю.С. ЯЛАВИНА. ТОМ 1: ТВОРЧЕСТВО 1970-х ГОДОВ»

у оленёнка – очень большие уши.
но я сразу перестаю замечать это,
когда вижу его удивительно красивые глаза

(Ю. Ялавин «Хокку на русский лад» («у оленёнка – очень большие уши...»), 1972)

Торжество души над биологической правдой: оптический переворот в хокку Юрия Ялавина про оленёнка

Явление таланта всегда подобно внезапному удару грома в душный полдень. Перед нами три строки, едва заполнившие пространство бумажного листа, но сумевшие вместить бездну человеческого духа. Поэт Юрий Ялавин, едва переступив порог отрочества, бросает вызов вековой привычке скользить взором лишь по поверхности бытия.

Всмотритесь в первоначальный образ: оленёнок с непомерно большими ушами. Какая беспощадная, почти натуралистическая точность! Здесь нет заискивания перед красотой, нет желания приукрасить действительность. Автор заставляет нас столкнуться с несовершенством, с дисгармонией, вызывающей у обывателя лишь снисходительную улыбку или холодное равнодушие. Казалось бы, перед нами зарисовка натуралиста, сухая фиксация биологического курьёза. Но подождите выносить приговор!

Поэзия Ялавина — не гербарий засушенных истин, а живой пульс сострадания. Вторая строка — «но я сразу перестаю замечать это» — совершает переворот в сознании. Происходит чудо внутреннего преображения. Наблюдатель отказывается от роли беспристрастного судьи внешних форм. Он совершает акт волевого омовения собственной души. Уши, прежде доминировавшие в кадре, тают, словно утренний туман под лучами солнца. Почему? Потому что проснулось зрение иное, глубокое и мудрое.

Центральный нерв произведения оголяется в финале. Удивительно красивые глаза существа становятся тем магическим кристаллом, сквозь который мир предстаёт в своём истинном, божественном свете. Мы видим не просто орган чувств, мы созерцаем окно в бездонный океан чужой жизни. Ялавин утверждает: истинная сущность всегда скрыта под маской внешнего несоответствия. Нужна отвага шестнадцатилетнего сердца, чтобы так прямо, без эстетических ухищрений, объявить войну предрассудкам зрения.

Сравним данное откровение с титаническими исканиями классиков. Не о том ли рыдал Гоголь, призывая нас увидеть брата в каждом униженном создании? Не та же ли мысль мучила Достоевского, искавшего свет во тьме человеческого подполья? Ялавин достигает тех же высот, минуя многотомные лабиринты прозы. Его хокку — сгусток энергии, краткая молитва о милосердии, произнесённая среди шума суетного века.

Критики, привыкшие измерять поэзию линейкой формальных правил, могут упрекнуть автора в чрезмерной лаконичности. Но позвольте! Разве можно мерить океан литрами, а искренность — количеством знаков? Здесь каждое слово весит пуд. Лаконизм Ялавина — признак не скудости, а высшей дисциплины ума, умеющего отсечь лишнее ради спасения главного. Поэт превращает частный случай в универсальную метафору человеческих отношений. Замените оленёнка на любого из нас, и вы получите формулу спасительной любви.

Каков же финал этого духовного путешествия? Нас призывают признать, что мир прекрасен не безупречностью линий, а глубиной взгляда. Автор совершает великое дело — он дарует нам право на восторг перед живой душой. В 1972 году, среди бетонных массивов и железных ритмов, прозвучал голос, напомнивший о хрупкости и красоте окружающего мира.

Завершая разбор, хочется воскликнуть: перед нами настоящая победа жизни над схемой! Хокку Ялавина — чистый родник, бьющий из-под скалы наносного цинизма. Читатель после прочтения стихотворения обретает уже новую оптику. Теперь, встречая на пути нечто «нескладное» или «странное», мы вспомним того самого оленёнка и, даст бог, тоже перенесём взгляд с досадного несовершенства на сияние вечной красоты.

Владимир Михайлов

RESEARCH No. 1 FROM THE BOOK BY VLADIMIR MIKHAILOV “ANALYSIS OF ALL POEMS BY YU.S. YALAVIN. VOLUME 1: CREATIVITY OF THE 1970s”

---

the fawn’s ears are so very large.
but I forget them in an instant,
when I see his eyes of wondrous beauty.
(Y. Yalavin, “Haiku in the Russian Manner” (“the fawn’s ears are so very large…”), 1972)

The Triumph of Soul over Biological Truth: An Optical Revolution in Yuri Yalavin's Haiku about a Fawn

The emergence of true talent can feel like a sudden clap of thunder on a stifling afternoon. Here we have just three lines, barely filling a sheet of paper, yet they contain an entire universe of human spirit. Yuri Yalavin, barely a teenager, challenges the age-old habit of skimming the surface of existence with a glance.

Take a closer look at the initial image: a fawn with disproportionately large ears. What ruthless, almost naturalistic precision! There's no pandering to beauty here, no urge to gloss over reality. The author forces us to confront imperfection, a kind of disharmony that, to the average observer, inspires nothing more than a condescending smile or cold indifference. At first glance, this seems like a naturalist's sketch, a dry record of a biological oddity. But hold on before passing judgment!

Yalavin's poetry is not a herbarium of dried-up truths, but the living pulse of compassion. The second line — "but I immediately stop noticing it" — triggers a revolution in consciousness. A miracle of inner transformation unfolds. The observer refuses the role of an impartial judge of outward forms. He performs an act of willful cleansing of his own soul. Those ears, which once dominated the frame, fade away like morning mist beneath the sun's rays. Why? Because a different kind of vision has awakened — deeper, wiser.

The core nerve of the piece comes into sharp focus in the final line. The creature's strikingly beautiful eyes become a magical crystal through which the world reveals itself in its true, divine light. We're not just seeing an organ of sense; we're gazing through a window into the boundless ocean of another being's life. Yalavin insists: true essence is always hidden beneath the mask of external mismatch. It takes the courage of a sixteen-year-old heart to declare war on the prejudices of the eye so directly, without any aesthetic tricks.

Let's place this revelation alongside the titanic quests of the classics. Wasn't this the very thing that haunted Gogol (the master of the grotesque and the compassionate observer of the downtrodden), who urged us to see a brother in every humiliated creature? Isn't this the same thought that tormented Dostoevsky, forever seeking light in the darkness of the human underbelly? Yalavin reaches those same heights, bypassing the labyrinthine volumes of prose. His haiku is a concentrated burst of energy, a brief prayer for mercy uttered amid the noise of a restless age.

Critics accustomed to measuring poetry with a ruler of formal rules might fault the author for excessive brevity. But really — how can you measure an ocean in liters, or sincerity in the number of characters? Here, every word carries weight. Yalavin's concision is not a sign of scarcity, but of supreme mental discipline — the ability to cut away the superfluous to save what truly matters. The poet turns a single, quiet moment into a universal metaphor for human relationships. Replace the fawn with any one of us, and you have a formula for redemptive love.

What is the outcome of this spiritual journey? We are called to acknowledge that the world is beautiful not because of perfect lines, but because of the depth of our gaze. The author performs a great act — he grants us the right to feel wonder in the presence of a living soul. In 1972, amid concrete blocks and the relentless rhythms of industry, a voice rang out, reminding us of the fragility and beauty of the world around us.

To conclude, I can't help but exclaim: this is a true victory of life over the schematic! Yalavin's haiku is a pure spring welling up from beneath the weight of superficial cynicism. After reading the poem, the reader walks away seeing the world anew. Now, when encountering something "awkward" or "strange," we'll remember that little fawn — and, hopefully, we'll also shift our gaze from frustrating imperfection to the radiance of eternal beauty.

Vladimir Mikhailov